

¹ Автономова Н.Б. Письма В.В. Кандинского Д.Н. Кардовскому. — В.В. Кандинский: Каталог выставки. Л., 1989, с. 26.

² Там же, с. 24. Письмо от 14 ноября 1900 г.

³ Там же, с. 30.

⁴ Там же, с. 29.

⁵ Одесские новости. 1903, 4 апреля.

⁶ См: Hoberg A. Wassily Kandinsky and Gabriele Münter. München; New York, 1994.

⁷ Оба документа см.: Абрамов В.А. В. Кандинский в художественной жизни Одессы: Документы, материалы. Одесса, 1995, с.с. 31, 32.

⁸ См. Zweite A. Kandinsky und München Begegnungen und Wandlungen. München, 1982, p. 48.

Опыт культурологического эссе

Музыка. Звуковые колебания особенной частоты, органично наполняющие ушную раковину. Раковину — сообщающийся сосуд, а не такой резервуар из арифметического задачника, когда в одно ухо (трубу) входит (втекает) — в другое (другую) выходит (вытекает).

Припоминаю, что изобретателем унитаза был некто Томас Крепер (или Крепер), умерший в 1932 году. Больше ничего о нем мне решительно не известно. Знаю только, что его гениальное открытие наводит на плодотворную мысль о природе музыкальных вещей. Точнее, одной вещи. Еще точнее, о природе симпатичного и симптоматичного музыкального звукоприемника, звуконосителя и звукопроизводителя. Одного в трех ипостасях.

Вы не в состоянии по достоинству оценить его духовые и вокальные возможности. Потому что не прислушиваетесь, как чуть свет — когда только-только начинают подавать воду, когда едва отпело петушиное многоголосье и сию минуту прошмыгнули к пункту приема стеклотары закадычные Запойник и Запойченко, — он прочищает горло и выдает первую, не в полный голос, а "в полсвистка", как выражаются профессионалы, руладу.

Могу небезосновательно предположить, что Крепер (или Крепер) на самом деле был музыкантом, возможно, музыкантом-дилетантом, но, несомненно, весьма и весьма одаренным. Не исключено — певцом-любителем. "По утрам он пел в клозете" — это о нем. Однозначно. Хотя, не исключено, и о его изобретении.

Надо полагать, он играл джаз — в его годы относительную новинку. Для подобного утверждения у меня как бы и нет никаких оснований. Кроме того, что унитаз, безусловно, пародирует форму сакса. И столь же технологичен. И столь же блестящ и авантажен — если им заниматься. Просто струящуюся воду заменяет струящийся и чуть смоченный слюной воздух.

Аналогия формы, возможно, подмечена задолго до меня. Иначе не могу себе внятно объяснить неизменное присутствие унитаза как главного действующего лица в театре авангарда. Что касается банальных толкова-

ний культурологов, заимствующих категории вульгарного психоанализа, то они вызывают у меня скептическую усмешку. (У них все что ни попадя растет из одного места. А ведь общеизвестно, что стихи, например, растут из сора. Причем далеко не первосортного.) Вероятно, надо говорить скорее об апологии формы. Полагаю, Кретером (или Крепером) двигали не какие-либо прагматические соображения гидравлического характера. Надо думать, что как истинный художник, он целиком полагался на интуицию и импровизацию, проецирующие "состояние души". Абсолютно убежден в том, что он действовал по наитию, а не по скрупулезному расчету. Его инструмент должен был зазвучать по определению. Это был predetermined артефакт.

Я также неколебимо уверен в том, что функциональное назначение полученного произведения искусства определилось волею случая, пожалуй, волею рока, быть может, для погашения производственных затрат столь масштабного арт-проекта. Не вызывает никаких сомнений тот факт, что первоначальная идея была в значительной степени опрощена, опошлена и утрирована.

Так незаметно, незаслуженно заброшенным и забытым, ушел из жизни величайший художник — Томас Кретер (или Крепер), — успевший, к несчастью своему, увидеть, как негодно расправились с его детищем бессердечные канализаторы творческих идей. Я уже не говорю о страданиях его репутации.

Не исключено, впрочем, что в какой-нибудь старой камерке реставратора, лавке антиквара или мансарде беспризорного живописца обнаружатся стерильные опытные образцы, наподобие коллекционных инструментов Амати и Гварнери. В британском журнале "Досуг" как-то промелькнуло сообщение о претендующем зарегистрироваться в книге рекордов Гиннеса собирателе унитазов (миллионере!), в коллекции которого (якобы!) имеется фрагмент колена оригинального первообразца, по слухам, завещанного Кретером (или Крепером) сантехнику, однажды спасшему его от затопления соседом сверху. Однако отечественное издание "Коллекционер" категорически опровергает эту информацию и в противовес утверждает, что помянутая реликвия хранится в фондах музея исторического отдела Комитета по науке и технике. И что на нее претендует ряд европейских национальных музыкальных обществ, поскольку она, как они говорят, незаконно вывезена в годы Второй мировой войны. Эта тема, по свидетельству источников, близких к администрации президента, будет подниматься на предстоящем саммите глав правительств.

Такова вкратце печальная и поучительная история закрытого изобретения, судьба которого прошла не по той дороге, наподобие эволюции приматов. Сколько выдающихся произведений, а, весьма вероятно, и целых музыкальных жанров, сколько счастливых возможностей безвозвратно утрачено...

Присядьте. Не торопитесь. Вслушайтесь. Кое-где, в отдельных (в смысле — некоторых, единичных) коммунальных квартирах, многокрасочные колоратуры пока не смолкли. Прежние ретроспективные модели, надрываясь, с большим или меньшим успехом еще пародируют первобытный кретеровский (или креперовский) инструмент. Музицируют. Быть может, что-то еще не поздно спасти и воссоздать. В конце концов, это наш долг перед цивилизацией.

Хорошо всегда иметь под рукой рулон нотной бумаги — чтобы успеть торопливо сделать аутентичную запись. И воспроизвести очарованным (в перспективе) потомкам.

Они поймут. Они оценят. Потому что настоящая музыка — это очень просто. Это совпадение сути.

